Я. В. КРУПАТКИН

ФОНОЛОГИЧЕСКИЙ ВАРИАНТ ФОНЕМЫ И ПЕСМЫСЛОРАЗЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ОППОЗИЦИИ

1. Уже отмечалось, что при реконструкции аллофонов определенной фонемы считается возможным разделить ее дисперсионное поле то на две части, то на несколько частей, то на теоретически неограниченное число частей¹. Отсюда был сделан вывод, что диахронисты по-разному пользуются понятием аллофона. Поскольку любой аллофон всегда принадлежит некоторому синхронному срезу, естественно обратиться за помощью к практике синхронистов. Но оказывается, что последняя тоже не отличается единообразием и, как это ни странно, очень сходна с уже известной практикой диахронистов.

Действительно, и при описаниях современных языков возможно установить для данной фонемы то два варианта (а), то конечное число вариантов больше двух (б), то теоретически неограниченное число вариантов (в). В качестве примера к (а) можно взять аллофоны английского *r*: придыхательный, например, в *pit* «яма», и непридыхательный, например, в *spit* «длинная отмель»². В качестве примера к (б) служит описание аллофонов русского *э* в зависимости от качества как предыдущего, так и последующего согласного: наиболее закрытый вариант, например, в *семь*, более открытый вариант, например, в *сел*, еще более открытый вариант, например, в *шесть*, и наиболее открытый вариант, например, в *шесть*³. В качестве примера к (в) назову варианты немецкого *g*, среди которых есть, например, «звонкое, полувзвонкое и абсолютно глухое *g* (даже в тех говорах, где слабые, как правило, звонки), лабиализованное велярное *g* (например, *gut* «хороший», *Gut* «жар, зной»), узко лабиализованное палатальное *g* (например, *Güte* «качество», *Glück* «счастье»), нелабиализованное велярное *g* (например, *ganz* «целый», *Wage* «весы», *tragen* «нести»), нелабиализованное сильно палатальное *g* (например, *Gift* «яд», *Gier* «жадность»), умеренно палатальное *g* (например, *gelb* «желтый», *liegen* «лежу») и т. д.»⁴.

Естественно, что аллофоны одной и той же фонемы, полученные различными путями, имеют между собой мало общего. Так, все реализации английской фонемы *r* можно сгруппировать в два аллофона: придыхательный в *pit* и непридыхательный в *spit*. Но можно еще учесть возникающее в определенной позиции варьирование по напряженности /ненапряженности, и тогда аллофон в *pit* придется оценить как напряженный придыхательный, аллофон в *spit* как ненапряженный непридыхательный, аллофон в

¹ Я. В. Крупаткин, Об аллофонических реконструкциях, ВЯ, 1969, 4, стр. 38—40.

² С. Ф. Носкетт, A course in modern linguistics, New York, 1958, стр. 63.

³ Ю. Д. Апресян, Иды и методы структурной лингвистики, М., 1966, стр. 49—50. См. также более полный список в кн.: Р. И. Аванесов, Фонетика современного русского литературного языка, М., 1956, стр. 95.

⁴ Н. С. Трубецкой, Основы фонологии, М., 1960, стр. 46.

upper «верхний» как напряженный непродыхательный⁵. Кроме того, на реализацию согласного влияют, оказывается, тембровые характеристики последующих гласных: существуют передние аллофоны фонемы *p* по соседству с гласными переднего ряда и задние аллофоны по соседству с гласными заднего ряда⁶. Вот почему тот, кто хочет учесть и это обстоятельство, должен отождествить аллофон в *pit* как передний напряженный придыхательный аллофон в *split* как передний ненапряженный непродыхательный и т. д. При желании можно различать также два «дополнительных члена» фонемы *p*: с носовой смычкой, когда далее следуют *m* или *n*, например, в *topmost* «высший», и вообще без какой-либо смычки, когда далее следуют *t* или *k*, например, в *wrapped* «завернутый»⁷.

Таким образом, не только при реконструкции доисторических состояний, но и при описании современных языков аллофонный анализ одних и тех же фактов дает несхожие результаты. И это, по-видимому, означает, что само понятие аллофона, или позиционного (комбинаторного) варианта фонемы, не определено в теоретической фонологии достаточно ясно.

Двойственный подход к комбинаторному варианту хорошо выден в концепции Пражской школы. По словам Н. С. Трубецкого, «фонема — это совокупность фонологических существенных признаков, свойственных данному звуковому образованию...»⁸. При этом «...ни один звук не может рассматриваться просто как фонема... Каждый звук содержит... с одной стороны, фонологически существенные признаки, благодаря которым он становится реализацией определенной фонемы, и, с другой стороны, целый ряд фонологически несущественных признаков, выбор и появление которых обусловлены рядом причин... Все эти различные звуки, в которых реализуется одна и та же фонема, мы называем вариантами (или фонетическими вариантами) одной фонемы»⁹. «Если в том или ином языке два звука встречаются в одной и той же позиции и могут замещать друг друга, не меняя при этом значения слова, то такие звуки являются факультативными вариантами одной фонемы»¹⁰. «Если два акустически (или артикуляторно) родственных звука никогда не встречаются в одной и той же позиции, то они являются комбинаторными вариантами одной и той же фонемы»¹¹. «Таким образом, фонетические варианты являются либо факультативными, либо постоянными; в последнем случае они, естественно, могут быть только комбинаторными... Что касается комбинаторных вариантов, то они функционируют исключительно в экспликативном плане. Комбинаторные варианты являются, если можно так сказать, фонологически всепогодательным средством. Они сигнализируют либо о границе слова (или морфемы), либо о наличии определенного рода соседней фонемы...»¹². И далее: «комбинаторные варианты это не только окказионально обусловленные естественные феномены, но и телеологически обусловленные явления, имеющие определенную цель и выполняющие определенную функцию»¹³.

⁵ Н. Д. Арутюнова, Г. А. Климов, Е. С. Кубрякова, Американский структурализм, в кн.: «Основные направления структурализма», М., 1964, стр. 246.

⁶ Г. Глисон, Введение в дескриптивную лингвистику, М., 1959, стр. 232.

⁷ D. Jones, An outline of English phonetics, Cambridge, 1960, § 499.

⁸ Н. С. Трубецкой, указ. соч., стр. 45.

⁹ Там же, стр. 45—46.

¹⁰ Там же, стр. 53.

¹¹ Там же, стр. 56.

¹² Там же, стр. 58.

¹³ Там же, стр. 316. О неуверенности Трубецкого в отношении статуса комбинаторных вариантов в фонологической теории говорит и его слова о том, что выполняемая ими функция сигнализации «не является лишней (хотя она и не необходима)» (там же, стр. 58). Действительно, с точки зрения пражской фонологии, указанная функция не

Итак, с одной стороны, комбинаторный вариант, в качестве разновидности фонетического варианта, рассматривается как звуковая, физическая реальность¹⁴. А с другой стороны, в нем видят научную абстракцию, он каким-то образом функционирует в экспликативном плане, является фонологически вспомогательным средством, знаком¹⁵. Но если верно, что одна и та же сущность не может принадлежать одновременно и уровню физических репрезентаций фонем, и уровню самих фонем, то нельзя ли найти выход в логическом разграничении понятий? Иными словами, попытаемся отграничить комбинаторное варьирование, как, хотя и вспомогательное, но все же фонологическое средство языка, от комбинаторного варьирования, не несущего функциональной нагрузки. По-видимому, в языке, используемом в качестве абстрактных единиц фонологические различительные признаки (РП), первое должно приводить к появлению «фонологического варианта» как научной абстракции, содержащей в себе определенные РП, а второе должно приводить к появлению акустического варианта» как физического звука речи, содержащего в себе не сами РП, а лишь физические характеристики, репрезентирующие РП. В таком случае речь пойдет о содержательном определении именно фонологического варианта фонемы (ФВ).

2. Пусть ФВ данной фонемы имеет некоторую вспомогательную фонологическую функцию, например, сигнализирует о фонемах, непосредственно примыкающих к данной. Так что вариант находится в отношении такого воплощения к своей фонеме-инварианту, что различия между вариантами сводятся только к различиям в сигналах о непосредственном фонемном окружении. И пусть, далее, имеются два множества РП в составе каждого ФВ. Так что, коль скоро данный ФВ принадлежит совокупности всех ФВ определенной фонемы, он содержит множество всех РП с этой фонемы (множество I); но коль скоро данный ФВ сигнализирует о соседних фонемах, он содержит еще и множество некоторых РП с соседних фонем (множество II). С учетом этих постулатов, всякий ФВ есть объединение двух множеств РП — множества I всех РП данной фонемы и множества II некоторых РП соседних фонем; тогда как число и репертуар элементов множества I постоянны для всех вариантов данной фонемы, число и репертуар элементов множества II меняются от варианта к варианту. К сожалению, и на тот раз обнаруживается трудность, которая означает, что само по себе логическое разграничение уровней оказывается недостаточным. С одной стороны, рассматривая ФВ как фонологическую единицу, знак, я посчитал все характеризующие его РП фонологически равноправными, т. е. равноправными с точки зрения выполнения ими смыслоразличительной функции.

является необходимой, поскольку надежное отождествление фонем должно быть всякий раз достигнуто в пределах каждого отдельного сегмента, безотносительно к соседним сегментам. Однако само наличие и характер «фонетических вариантов» говорит об обратном. О лингвистическом значении позиционных вариантов фонем см. также: С. И. Бернштейн, *Возрасты обучения проношению*, М., 1937, стр. 25; его же, *Фонема*, БСЭ, 58, М., 1936; Л. Р. Зиндер, *Общая фонетика*, Л., 1960, § 36; Р. Р. Кэсприанский, *К проблеме фонемы и ее различительных признаков*, «Вопросы германской и романской филологии», М., 1963 (Уч. зап. 1-го МГПИИЯ), XXVII, стр. 38—39.

¹⁴ Следует заметить, что этот «физический» уровень не эквивалентен подлинной реальности звуковой речи с ее неизбежно индивидуальными (акустическими или артикуляторными) характеристиками речи. Предполагается уже известное обобщение, по обобщению весьма подлинное, позволяющее учитывать любые особенности звучания, обусловленные не только фонемным, но и просодическим окружением.

¹⁵ Фактически речь идет о фундаментальной трудности любой реляционно-физической филологии; ср.: С. К. Шаумян, *Проблемы теоретической фонологии*, М., 1962, стр. 21—26.

С другой стороны, определяя ФВ, я был вынужден предположить в составе каждого из них два вида РП, относящиеся соответственно к множествам I и II и различающиеся тем, что смена некоторого РП из множества I может привести к превращению одной фонемы в другую, а смена любого РП из множества II не должна приводить к такому результату, откуда следует, что РП множества II фонологически не равны с РП множества I, не выполняют смыслоразличительной функции и, значит, вообще не могут считаться фонологическими РП¹⁶.

Эту фундаментальную трудность можно назвать антиномией языковой функции, и теперь уже легко указать ее источник. Как известно, в классической фонологии РП выделяются на основе функционального критерия, а единственной языковой функцией считается смыслоразличение. Между тем при введении понятия комбинаторного варианта у Трубецкого, а также понятия ФВ у автора этих строк указанное положение оказалось нарушенным. РП, сигнализирующие о наличии определенного рода непосредственно примыкающих фонем, хотя и считаются функциональными, фонологически, тем не менее рассматриваются как вспомогательные, т. е. не использующиеся в функции смыслоразличения.

Выход из этого фундаментального противоречия может быть предложен в рамках так называемой системы описания лингвистики, как она разрабатывается в последние годы Г. П. Мельниковым. С точки зрения этой концепции, под системой понимается любой объект, в котором можно выделить два вида компонентов: (1) составные части — элементы и (2) связи или отношения, удерживающие элементы в границах целостного объекта. Под структурой системы понимается сеть этих связей и отношений между элементами системы, а под субстанцией — индивидуальные свойства этих элементов, как самостоятельных существей. Любая система является оригиналом по отношению к другой системе — модели, если в последней есть что-либо общее с первой. Если общность основана на подобии структур, то модель называется структурной, независимо от того, каковы субстантные свойства ее элементов. В этом смысле любое описание системы, отражающее сеть отношений элементов описываемой системы, является структурной моделью этой системы¹⁷.

Как известно, исходным материалом при выявлении фонемного состава языка являются наблюдения за речевым потоком. Если учесть, что единицы речевого потока не дискретны на оси времени и содержат практически неограниченное число физических признаков, а единицы классической фонологии — фонемы являются дискретными на оси времени и содержат конечное число абстрактных РП, то едва ли можно считать, что фонема является структурной моделью минимальных речевых единиц, наделенных функцией смыслоразличения. Поэтому, утверждая, что фонема репрезентирует не единицы речи, а единицы языка, многие фонологи приходят к выводу о фиктивности фонемы, фонологического уровня в лингвистике и даже языка в целом, поскольку они существуют только на уровне абстрактного научного описания, являются конструктами,

¹⁶ Можно было бы показать, что введение таких понятий, как архифонема или гиперфонема, не позволяет разрешить указанное противоречие. Кстати, подобные выводы уже делались, ср.: Р. Р. Каспраускай, указ. соч., стр. 37.

¹⁷ Г. П. Мельников, Система описания лингвистики и ее отношение к структурной, в кн.: «Проблемы языкознания. Доклады и сообщения советских ученых на X Международном конгрессе лингвистов», М., 1967 (ср. также в кн.: «Actes du Xe Congrès International des Linguistes», I, Bucaresti, 1968, стр. 389—394); а также, Языковая структура языка и классификация языков, в кн.: «Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействия», М., 1969, стр. 47; а также, Язык как система и языковые универсалии, в кн.: «Языковые универсалии и лингвистическая типология», М., 1969, стр. 35.

принципиально не могут быть непосредственно наблюдаемы и вообще не требуют «постулата о существовании»¹⁸.

Что касается системной лингвистики, то она исходит из другого представления о соотношении между языком и речью. Для нее единицы речевого потока, или звукоtypы, являются физическими репрезентациями дискретных единиц, реально существующих на уровне нейронных структур, и именно эти последние, т. е. психологические единицы («церебральные», как их называл И. А. Бодуэн де Куртэн, или «психичные», по Ф. де Соссюру, но не психологические, как относящиеся к ведению психологии), считаются собственно языковыми. В таком случае единицы классической фонологии должны рассматриваться как дискретные структурные модели психологических единиц, т. е. собственно языковых. В этом смысле фонемы, как они описаны Трубецким и другими фонологами, являются не единицами языка, а единицами структурного моделирования, единицами описания их собственно языковых, психологических оригиналов. Таким образом, в рамках системной лингвистики находят свое место и бодуэновские психофонемы как единицы языка, и фонемы-конструкты как единицы описания, и звукоtypы, т. е. речевые единицы, служащие исходным материалом для построения структурных моделей языковых единиц.

По всей видимости, дискретная сущность РП, как языковых единиц, может быть понята, если предположить, что каждому из РП соответствует пара дискретных сигналов, из которых первый является сигналом на органы артикуляции говорящего, а второй свидетельствует о появлении первого — на основании анализа потока звуковой речи слушающим. В этом случае пучок сигналов первого типа представляет собой реализуемую фонему, а пучок сигналов второго типа представляет собой воспринимаемую фонему (хотя ясно, что на уровне речевой реализации фонемы дискретность по необходимости «смазывается»). Но тогда языковыми и, следовательно, фонологическими единицами звукового строя должны быть признаны любые дискретные единицы, представленные парами указанного рода сигналов¹⁹, и в частности, не только те, которые выполняют функцию смысловоразличения, но и те, которые выполняют любую другую обязатель-

¹⁸ Ср.: Л. Ельмслев, Прологемы к теории языка, в кн.: «Новое в лингвистике», I, М., 1960, стр. 274.

¹⁹ Здесь нет коардации к тем идеям психологизма, несостоятельность которых отмечается современными фонологами. Особой причиной отхода от психологической концепции является то, что психологический аналог фонологической сущности трактуется как некоторое дискретное «представление» о звучании (артикуляции) соответствующих речевых единиц, которые, естественно, не совпадают с действительными фонологическими единицами. Но если иметь в виду психологическую реальность пар дискретных сигналов, соответствующих каждому РП, и дискретных сигналов, свидетельствующих о наличии пучка РП, то такие психологические сущности уже вполне соотносимы с дифференциальными фонологическими единицами. В подтверждение гипотезы о дискретной психологической природе языковых единиц, отражаемых в фонологической теории в виде дискретных единиц описания (т. е. в виде РП и фонем), можно сослаться на результаты экспериментальных исследований по механизмам восприятия речи: оказывается, что наиболее ясную трактовку эти результаты получают тогда, когда механизм описываемый сводится к терминам принятия дискретных «решений», получаемых при анализе (Л. А. Чистович, В. В. Акляри и Скляр, В. А. Абуляев, Временные задержки при повторении слышимой речи, «Вопросы психологии», 1960, 6, стр. 119). Кстати, хотя представление о фонеме как о пучке РП и подвергалось недавно весьма резкой критике, при этом не было предложено никакой другой модели; см.: Г. В. Воронкова, М. И. Стеблин-Каменский, Фонема — пучок РП, ВЯ, 1970, 6.

ную в рамках данного языка функцию, например, сигнализируют о соседних фонемах или о границах морфем и слов²⁰.

Из этого тезиса следуют два вывода, непосредственно относящиеся к предмету данной статьи. Во-первых, представление о ФВ как объединении двух множеств РП (см. выше, стр. 51) перестает быть противоречивым, если оно уточнено иерархией важности функций и, выполняемых РП. А именно, множество I включает РП, которые выполняют функцию смыслового различения (или смыслообразительные признаки — СП), тогда как множество II включает все остальные функционально важные РП (или несмыслообразительные признаки — НП)²¹. А вторых, первоначальное ограничение функции ФВ (см. выше, стр. 51) должно быть снято. А именно, следует признать, что НП в составе данного ФВ могут сигнализировать не только о СП фонемах, непосредственно примыкающих к данной статье; они могут охватывать любые РП, не смыслообразительные для всех ФВ данной фонемы. Единственным требованием к этим НП должна быть их функциональность, т. е. выполнение ими какой-то языковой функции в рассматриваемой позиции в слове²².

Надо сказать, что возможны по меньшей мере три типа отношений между указанными множествами. В одном случае некоторые из элементов множества II могут быть следствием наличия таких дискретных сигналов, которые не используются в рамках множества I; например, появление твердого приступа в русских словах, начинающихся с гласных, когда необходимо обозначить границу между этим словом и предшествующей морфемой (ср. *от Ани и о Тана*, где в первом примере имеется твердый приступ)²³. В другом случае элементы множества II основаны на сигнализации градаций тех физических характеристик, которыми репрезентируются элементы множества I; например, появление четырех ступеней палатальности русского переднеязычного гласного *я*, в зависимости от окружения (ср. *семь, сел, шесть, шест*, более подробно см. выше, стр. 49). И, наконец, в третьем случае некоторый РП, в зависимости от позиции фонемы, принадлежит то множеству I, то множеству II, так что, переходя во множество II, он лишается смыслообразительной функции, но берет на себя некоторую вспомогательную функцию; например, он может свидетельствовать о границе морфемы при нейтрализации звонкости в конце русских слов (ср. фонему /з/ в слове *мороз* в выражениях *мороз у нас сильный и морозу нас не испугать*, где в последнем примере нейтрализация звонкости в фонеме /з/ отсутствует).

Поскольку третий случай затрагивает нейтрализацию СП, он обычно подробно рассматривается в классической фонологии, тогда как первые два случая остаются практически без внимания. Наличие нейтрализаций

²⁰ Г. П. Мельников, Фонология и понятие конструкта, в кн.: «Фонологический сборник», II, Донецк, 1968; его же, Об одном пути выделения морфофонологических единиц, там же.

²¹ Г. П. Мельников, Некоторые общие черты вокализма урало-алтайских языков, в кн.: «Исследования по фонологии», М., 1966, стр. 329; его же, Усовершенствование треугольника международного фонетического алфавита (МФА) для отражения степени акустической противопоставленности гласных, «Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung», 21, 6, 1968, стр. 556.

²² По-видимому, введение понятия комбинаторного варианта фонемы отражало естественное стремление расширить фонологию таким образом, чтобы в пределах ее рассмотрения учитывались все функциональные, т. е. языковые, единицы. Однако в рамках классической фонологии, где статус минимальной языковой единицы признается только за тем дифференциальным признаком, который выполняет функцию смыслообразительную, такое расширение привело к описанным теоретическим противоречиям (ср. выше).

²³ Г. П. Мельников, Морфологический строй языка и средства словоразличения, в кн.: «Исследования по фонологии», М., 1966, стр. 278.

ясно свидетельствует о том, что и внутри каждого из рассматриваемых двух множеств отдельные РП не равноценны в отношении своих функциональных возможностей. Нейтрализуемый признак оказывается низким в иерархической шкале множества I и высшим в шкале множества II. Это явление связано с особенностями звуковой субстанции, которая репрезентирует РП в речи.

Итак, обратившись к системной лингвистике, я оказался перед необходимостью допустить, что в составе ФВ есть некоторые РП, которые, будучи фонологическими, все же не участвуют в смысловых различиях. Хотя идея таких единиц определенно противоречит фонологической теории, она не менее определенно подтверждается фонологической практикой. Удивительным могло бы показаться лишь то, что наиболее ясные свидетельства этому дает диахроническая фонология.

3. Операции с комбинаторными вариантами фонем (аллофонами) заняли видное место в послевоенной диахронической фонологии. С одной стороны, присутствие «надлежащего» варианта считалось необходимой предстацией мутации; с другой стороны, стало почти общепринятым описывать появление фонологического различия через «фонологизацию комбинаторных вариантов». Например, западногерманские ударные *u*, *o* развились из германского и таким образом, что перед *-i-* следующего слога и перед *at*, *n* плюс согласный победило *u*, тогда как в остальных случаях (т. е. перед *-a-* и *-b-*) победило *o*, ср. др.-англ. *synu* «сын», *hund* «собака» (< **sunuz*, **hund*), но др.-англ. *fole*, *geoc* «но», *posu* «нос» (< **fulkan*, **jukan* **nusō*). В этих условиях тот, кто верил, будто фонологическому сдвигу предшествует аллофонная предстация, восстанавливал для фонемы и накануне расщепления комбинаторные варианты [u, o] и описывал дальнейшую фонологизацию как превращение вариантов в «самостоятельные фонемы»²⁴. Другой пример. Праанглийское (уэссекское) преломление кратких *æ*, *e*, *i* > *a* / *æ*, *eole*, *iuli* зафиксировано только перед *h* и перед *ar*, *i* плюс согласный, ср. др.-англ. *ealdra* «восьмью», *eart* «бедный», *eald* «старый» (< **æhta*, **ært*, **æld*). На этот раз тот, кто опирался на аллофонную предстацию, восстанавливал ее в виде [æa, æ], [eo, e], [iu, i], а дальнейшую мутацию изображал, заменяя квадратные скобки косыми, т. е. как [æa] > /æa/, [eo] > /eo/ и т. д.²⁵

Хотя подобные реконструкции стали привычными, в них обнаруживается существенная трудность. Почему, например, вариант [u] восстанавливается как перед *-i-*, так и перед *at*, *n* плюс согласный? На каком основании надо считать с [o] и перед *-b-* и перед *-a-*? Из каких соображений вариант [æa] предполагают для *æ* не только перед *h*, но также перед *ar*, *i* плюс согласный? И, наконец, что общего между всеми остальными позициями той же фонемы, где она одинаково представлена вариантом [æ]? Коротко говоря, даже если согласиться, будто общее число комбинаторных вариантов фонемы, подлежащей расщеплению, равно двум, то и тогда классическая фонология не может объяснить, почему каждый из таких вариантов восстановлен для далеко не тождественных фонемных окружений. Отсюда следует, что в той мере, в какой различия между комбинаторными вариантами одной и той же фонемы сводятся к различиям в сигналах о фонемном окружении, различие между двумя новыми фонемами на месте одной старой едва ли возникает из различия между двумя комбинаторными вариантами старой фонемы.

В поисках адекватного описания уместно вспомнить, что названные изменения реализовались в процессе пользования звуковыми язы-

²⁴ См.: J. Kuryłowicz. The Germanic vowel system. BPTJ, XI, 1952, стр. 54.

²⁵ У. В. Криваткин. Old English breaking. «Philologica pragensia», XI, 1, 1964, стр. 62—64.

ком — обстоятельство, которое может оказаться весьма существенным. Начнем с первого примера. В системе, где двум долгим фонемам $\bar{u}$, — противополагалась одна краткая u , мутация $u > \bar{u}$, o могла быть направлена на восстановление параллелизма между долгими и краткими²⁶. Эта цель должна была определять и судьбу отдельных комбинаторных вариантов исходной фонемы: каждому из них предстояло развитие либо к $\bar{u}$, либо к o . Как ясно из предыдущего, то общее, что объединяло варианты перед $-i$ и перед $-t$, n плюс согласный (и противопоставляло их вариантам перед $-\bar{u}$ и $-a$), нельзя описать в терминах РП. Тем не менее, кодь скоро звуковые изменения происходили «на устах», общность между указанными комбинаторными вариантами должна была существовать на уровне их акустических реализаций. По-видимому, и во втором примере положенное было в принципе сходным. Мутация имела целью восстановить параллелизм между двумя подсистемами гласных, нарушенный с появлением у долгих оппозиции тембрового скольжения $\bar{a} : a : \bar{e} : e : \bar{i} : i$ ²⁷. Каждому из комбинаторных вариантов исходных $\bar{a}$, e , i предстояло, следовательно, развитие либо к $\bar{a}$, e , i , либо к $\bar{e}$, e , i . Правда, то общее, что объединяло, например, комбинаторные варианты фонемы $\bar{a}$ перед n и перед r , l плюс согласный, невозможно описать в терминах РП. Но и на этот раз, поскольку звуковое изменение все же произошло и поскольку оно не могло произойти иначе как «на устах», существование некоторой общей черты на уровне их акустических реализаций является несомненным²⁸.

Однако же мутацию нельзя представить как появление различия фонологического смыслоразличительного на месте физического несмыслоразличительного. И вот почему остается допустить, что, наряду с фонологическими смыслоразличительными оппозициями (СО), в языке должны существовать также фонологические несмыслоразличительные оппозиции (НО). Тогда каждое из обнаруженных физических различий типа узкий/неузкий или дифтонгический/недифтонгический следует признать физической репрезентацией различия фонологического, т. е. физической репрезентацией некоторой НО. А сама мутация описывается уже не через фонологизацию комбинаторных вариантов (см. выше, стр. 55), а через превращение НО в СО — по формуле $A : B > A_1 : B_1$ ²⁹.

²⁶ J. Kuryłowicz, указ. соч.; ср. также: В. Trnka, *Fonologický vývoj germánského vokalizmu*, «Sborník pro moderní filologii», 22, 1936, стр. 156—157.

²⁷ В. Я. Плоткин, Динамика англйской фонологической системы, Новосибирск, 1967, стр. 18—26. Ср. также: К. Вülbrigg, *Altenglisches Elementarbuch*, Heidelberg, 1902, § 430, примеч. 3; G. T. Floom, *Breaking in Old Norse and Old English*, «Languages», XIII, 2, 1937, стр. 131; J. Fournquet, *Le système des éléments vocaliques longs en vieil-anglais*, «Mélanges de linguistique et de philologie. Fernand Mossé in memoriam», Paris, 1959, стр. 151.

²⁸ Может показаться не вполне последовательным, что я различаю комбинаторные варианты, например, перед $-i$ и перед $-t$, n плюс согласный (или перед $-a$ и перед $-\bar{u}$), но в то же время объединяю их физические реализации. Однако в первом случае речь идет о невозможности обобщать разные дискретные сущности в пределах одного и того же уровня абстракции, тогда как во втором допускается обобщение недетерминных сущностей при переходе от уровня физического к абстрактному (ср. ниже о понятии фонологической несмыслоразличительной оппозиции).

²⁹ Ср.: R. Jakobson, *Selected writings*, I, *Phonological studies*, 's-Gravenhage, 1962, стр. 205. Будущий историк обратит внимание, что в одной из довоенных статей об умлауте говорится о фонологизации фонетических «различий» и даже фонетической «оппозиции» (W. E. Twaddell, *A note on Old High German umlaut*, «Monatshefte für deutschen Unterricht, deutsche Sprache und Literatur», 20, 1938, стр. 179—181), тогда как в послевоенной статье на ту же тему идет речь уже о фонологизации «аллофонов» (H. Penzl, *Umlaut and secondary umlaut in Old High German*, «Languages», 25, 3, 1949, стр. 240).

То обстоятельство, что у пионеров диахронической фонологии эта формула в случае фонологизации означает «между A и B нет фонологического различия, тогда как между A_1 и B_1 оно имеется»³⁰, выглядит вполне естественным. Иначе и не может быть в рамках теории, где фонологические считаются только CO .

Ясно, что понятие HO противоречит самым основам классической фонологии³¹. И все же оно представляется достаточно оправданным не только с позиций логики. Во-первых, присутствие в языке HO хорошо согласуется с опытом историко-фонологических реконструкций. Парадокс состоит в том, что, оперируя давно исчезнувшими формами, диахронист бывает вынужден в большей мере, чем синхронист, учитывать $з$ в $у$ и $к$ в $у$ и $ю$ реальность языка. Когда при изложении развития $и > u, o$ фонолог описывает «вокалические оттенки (vocalic timbres) δ и α , бывшие до того вариантами единой фонемы $и$ »³², он ведет речь не о комбинаторных вариантах, а о физической репрезентации некоторой HO . Если в течение сорока лет формула $A : B > A_1 : B_1$, верой и правдой служит получению новых результатов, то только потому, что и $н$ т у к т и в н о фонологи считаются с функциональным различием в обеих частях формулы.

Во-вторых, и я надеюсь это сейчас показать, учет HO позволяет, по-видимому, давать объяснение там, где оно еще не было получено.

Из рассмотренных примеров фонологизации косвенной (или парадигматической, без изменений в окружении³³) особенно ясно, что звуковое изменение есть смена «значимостей». Однако если гипотеза о HO имеет основание, присутствие HO должно обнаруживаться и в случае фонологизации непосредственной (синтагматической). Для проверки удобно обратиться к i -умлауту, который в германских языках означал палатализацию или сужение корневого гласного перед $-i-$, $-j$ - следующего слога (ср. др.-англ. *here* «войско», но гот. *harjis*, *brūd* «невеста», но гот. *brūts*, др.-в.-нем., др.-сакс. *gesti* «гости», но *gast* «гость» и др.). Поскольку такое $-i-$, $-j$ - обычно выпадало или редуцировалось в $-e-$, умлаут служит образцом непосредственной фонологизации и описывается как $к$ о м п е н с а ц и о н н ы й перенос СП с безударного гласного на ударный. Но в этой, казалось бы, стройной трактовке есть противоречие: если позиционная окраска корневого гласного была обусловлена безударным $-i-$, $-j-$, то почему с исчезновением или изменением $-i-$, $-j-$ эта окраска не только не исчезала, но $к$ а к и м - т о о б р а з о м даже закреплялась в качестве СП?³⁴ Противоречие, однако, разрешается, и указанные факты получают объяснение, если допустить присутствие в языке HO , т. е. если допустить, что суще-

В связи с отказом описывать фонологизацию через «фонологизацию комбинаторных вариантов» мне было придумано именованье, будто «...реализациями фонем, аллофонами и вообще звуковой реальностью в истории языка следует полностью пренебречь...» (Г. В. Веронкова, М. И. Стеблин-Каменский и др., указ. соч., стр. 26). Настоящей статьёй я надеюсь показать, что в действительности дело со «звуковой реальностью» может обстоять как раз наоборот.

³⁰ В. Яковлев, указ. соч., стр. 207.

³¹ О «несмыслоразличительных» оппозициях писалось и раньше, но они оценивались как «фонологически несущественные» (см.: Н. С. Трубецкой, указ. соч., стр. 38).

³² J. Kuryłowicz, указ. соч., стр. 54.

³³ По Е. Куриловичу, краткие o и u , бывшие до того вариантами фонемы $и$, становятся «косвенно» автономными благодаря фонологическому различию между соответствующими долгими o и u . Их «непосредственная» автономность достигается позже, благодаря выпадению гласного в безударном слоге (J. Kuryłowicz, указ. соч.). О косвенно-фонологических и непосредственно-фонологических оппозициях ср.: Н. С. Трубецкой, указ. соч., стр. 40—41.

³⁴ См.: «Материалы Первой научной сессии по вопросам германского языкознания», М., 1959, стр. 105, 107—112, а также тренику о IV семинаре по диахронической фонологии германских языков (ВН, 1966, 5, стр. 146).

ствовавшее накануне сдвига звуковое различие в реализациях корневых фонем было физической репрезентацией НО типа умлаутовой/неумлаутовой и, значит, имело не «механическую», а функциональную обусловленность. На самом деле, из отрицания «механической» связи между редукцией *-i-*, *-j-* и умлаутом в корне следует, что (1) ранняя редукция *-i-*, *-j-*, не в состоянии устранить позиционную окраску корневого гласного и (2) ранняя фонологизация в корне возможна и при сохранении безударного *-i-*, *-j-*. То обстоятельство, что оба предсказания подтверждаются формами памятников, хорошо свидетельствует в пользу сделанного допущения.

Понятие НО согласуется с представлением о НП (см. выше, стр. 54), поскольку любой такой НП всегда есть терм соответствующей НО. Отсюда и заключаю, что, в пределах рассмотренного материала, теоретические положения системной лингвистики подтвердились практикой диахронической фонологии, а практика диахронической фонологии получила обоснование в идеях системной лингвистики.

4. К сказанному можно сделать следующие дополнения.

Обычно полагают, что различение данной фонемы обеспечивается специфическим составом ее (смыслоразличительных!) признаков, т. е. на парадигматической оси. Однако, как можно было видеть выше, и на синтагматической оси существуют средства, способствующие различению фонем и, следовательно, содействующие выполнению языком его общественной функции. Если это верно, то подобного рода средства (хотя они и не являются смыслоразличительными) также должны рассматриваться в фонологии.

Коль скоро ФВ фонемы-конструкта есть тоже конструктор, в акте речи каждую такую фонологическую репрезентацию фонемы следует отличать от физической репрезентации фонемы (точнее, от физической репрезентации соответствующего ФВ) типа «акустического варианта фонемы» (АВ)³⁶. То обстоятельство, что в содержании ФВ являются абстрактные СП и НП, а содержанием АВ являются гармоники, форманты, шумы, предполагает несколько важных следствий. (1) Тогда как все ФВ данной фонемы имеют одно и то же постоянное ядро, ее АВ фактически могут не иметь между собой ничего общего. (2) Тогда как все ФВ фонемы *a* противопоставят всем ФВ фонемы *b*, некоторый АВ фонемы *a* может иметь больше сходства с некоторым АВ фонемы *b*, чем с другими АВ фонемы *a*. (3) Тогда как на оси времени любой ФВ характеризуется сегментностью, АВ последующей фонемы может начинаться и до окончания АВ предыдущей фонемы (точнее, предыдущего сегмента).

Нет оснований употреблять термин дескриптивной лингвистики «аллофон» вместо пражских терминов «вариант фонемы» или «комбинаторный вариант фонемы». Дело в том, что последние два определяются не только дистрибутивно, но и содержательно (а «комбинаторный вариант» еще и функционально); напротив, «аллофон» определяется только своей дистрибуцией. Интересно, что благодаря понятию НО, содержательный критерий вносится и в различие между комбинаторными и факультативными вариантами. Создатели фонологии усматривали это различие в том (см. выше, стр. 50), что первые постоянны и не встречаются в одной и той же позиции, а вторые замещают друг друга, не меняя при этом значения слова. Теперь же видно, что только в случае комбинаторного варианта, а точнее — ФВ, все элементы множества П есть термы НО.

Как установить, что данное звуковое различие следует признать физической репрезентацией различия фонологического, хотя и не смыслоразличительного, т. е. физической репрезентацией некоторой НО? Как опре-

³⁶ Ch. F. Hockett, указ. соч., стр. 116—117.

делить языковую функцию данной НО и как проверить, что эта функция приписана ей достаточно объективно? Способы выявления языковых несмыслоразличительных функций, проверка конкурирующих гипотез относительно этих функций делаются на основании учета языковой детерминанты³⁶. В дальнейшем это будет проиллюстрировано при описании детерминанты германского строя, с привлечением известных явлений звуковой эволюции. У настоящей статьи цель иная: привлечь внимание к самому факту существования в языке НО и показать, что, благодаря учету этих НО, может быть достигнуто единство синхронической и диахронической точек зрения.

Не следует думать, будто признание НО перечеркивает все реконструкции в терминах «аллофонных» преобразований. О внешних признаках тех из них, которые можно легко представить через НО, уже говорилось³⁷. Если просмотреть существующие реконструкции, то окажется, что в большинстве случаев авторы (хотя и неосознанно, интуитивно) исходили из общего представления о системе фонем и иерархии функций в ней. Чаще всего определенный «аллофон» реконструировали именно потому, что «чувствовали» его функциональность и до мутации. Фактически в этих условиях при проявлении новых различий речь шла уже не о «фонологизации аллофонов», а о превращении НО в СО. Важным критерием при оценке фонологической реконструкции является внимание к цели (или функции) мутации. Как было показано, именно в соответствии с целью фонологизации, физическое различие становится репрезентацией некоторой НО (см. выше, стр. 56). Вот почему внимание к цели мутации — это внимание к тем вспомогательным фонологическим функциям, благодаря которым и существуют НО. Требование искать цель мутации есть по сути дела требование установить характер той НО, дальнейшее преобразование которой явилось содержанием мутации, и наоборот.

³⁶ Ср.: Г. П. Мельников. Языковая стратификация... стр. 47.

³⁷ Я. Б. Круцаткина, указ. соч., стр. 42, примеч. 23.